

Глава 1146: Праздно слушая падение цветков, отправляя меч

Чэнь Чаншэн уже попрощался со своим старшим братом, но перед уходом он, естественно, должен был навестить Мо Юй.

Мо Юй была прославленной красавицей столицы, а сейчас она была еще более красивой и трогательной.

Он знал, что она не намеренно соблазняла его. Просто здесь было слишком жарко. Казалось, что даже охлаждающий массив в холле не помогал.

«Это слишком маленькое место».

Он осмотрелся комментируя.

Это место было отделенной комнатой за большим холлом. По сравнению с другими зданиями Имперского Дворца оно было невероятно маленьким, и в нем не было хорошей вентиляции.

«До того, как Императрица начала править из-за кулис, она обучалась правлению у Императора Сяня около двадцати лет. Это комната, из которой она слушала».

Мо Юй поддразнила: «Когда Его Величество только вошел во дворец, почтенный даосист сидел здесь во время сессий имперского двора. Сейчас здесь сижу я. Разве мне каким-то образом не хватает квалификации?»

Чэнь Чаншэн горько улыбнулся: «Тогда мне и правда нечего сказать».

Мо Юй выгнула брови: «Возможно, вы все думаете, что я - очень амбициозная».

Чэнь Чаншэн некоторое время и правда думал, что она была очень амбициозной. Это было не в то время, когда Божественная Императрица была жива, а десять лет назад.

Она всегда поддерживала с ним связь, и когда император издал указ, прося ее вернуться в столицу, письмо, отправленное ей Чэнь Чаншэну, казалось довольно нерешительным. Чэнь Чаншэн только потом понял, что она уже решилась.

Но когда она настаивала на женитьбе с Принцем Лоуяном, Чэнь Чаншэн подумал, что его взгляд на нее не был правильным.

Если у нее действительно были амбиции, она должна была выйти замуж за человека с большей властью, возможно, даже выходя замуж за императора и становясь новой императрицей.

«Это зависит от того, что подразумевать под 'амбициями'», - сказал Чэнь Чаншэн.

Мо Юй ответила: «Если амбиции означают власть, то я должна признать, что у меня и правда есть сильное желание в этом аспекте, но я хочу гарантировать, что у меня есть власть быть вовлеченной в дела имперского двора».

Эти слова немного сбивали с толку, и Чэнь Чаншэну потребовалось некоторое время, чтобы их понять. Он заинтересованно спросил: «Почему тебе так нравится заниматься правительственными делами?»

«Потому что я служащая, обученная Императрицей».

Мо Юй посмотрела на него и продолжила: «Меня и Южун обучала Императрица. Мне нравится, и у меня есть способность заниматься правительственными делами, тогда как она более опытна в убийстве во все стороны».

Чэнь Чаншэн подумал о множестве воспоминаний нескольких последних лет, и только мог выразить свое молчаливое согласие на счет этого утверждения.

Мо Юй добавила: «Конечно же, она еще больше похожа на Императрицу, чем я, возможно, потому что она больше меня способна убивать людей».

Около десяти лет назад, в соседнем дворцовом зале, Божественная Императрица Тяньхай сказала ей и Сюй Южун, что убийство людей было верным путем.

Мо Юй знала, что она не могла делать это. Возможно, потому что слишком много членов ее семьи было убито, когда она была молодой.

В том году, когда она взяла меч и казнила Чжоу Туна смертью тысячи порезов, она, как казалась, израсходовала все намерение убийства в своем теле.

Чэнь Чаншэн не хотел продолжать эту тему. Вместо этого, он спросил: «Ты так много лет замужем. Он все еще так боится тебя?»

Он спрашивал о Принце Лоуяне.

Тонкие брови Мо Юй поднялись вверх: «Это уважение, не страх. Ты думаешь, что все такие, как ты?»

Чэнь Чаншэн не планировал создавать неприятности, почувствовав себя немного неуклюже.

Мо Юй отпустила его и сказала: «Он каждый день проводит дома, готовя еду. Он только что освоил семнадцатый метод замачивания редиса, и получает от этого удовольствие».

Видя, насколько счастливой она была, Чэнь Чаншэн тоже был счастлив, но он также... почувствовал более сложные эмоции.

Он посмотрел на ее волосы, а затем сделал глоток чая, спрашивая: «Тебе хорошо спится?»

Брови Мо Юй взлетели вверх, и она сказала: «Очень хорошо. Ты знаешь? У толстых мужчин холодные тела. Это очень удобно, когда обнимаешь их».

.....

.....

В своем путешествии на фронт Чэнь Чаншэн думал о том, что в тот день случилось в Имперском Дворце, и смеялся.

Это случалось так часто, что Ань Хуа начала нервничать. Фу Синьчжи и Чэнь Фугуй, которые сейчас стали учителями Ортодоксальной Академии, тоже испытывали беспокойство.

Чэнь Чаншэн не брал с собой множество священников Дворца Ли. Вместо этого, он взял студентов из Академий Плюща.

Он путешествовал под причиной проверки, но студенты Академий Плюща путешествовали на

фронт с целью обучения.

Вскоре после въезда в Графство Тяньлян, но до прибытия в Город Сюньян, Чэнь Чаншэн и Ань Хуа покинули группу.

Ему регулярно передавались записи из различных даосских церквей, и он своими глазами видел истинные обстоятельства людей, видел раненых солдат. Затем он увидел равнины.

Перед входом на поле боя он еще раз вспомнил последние слова Мо Юй в Имперском Дворце.

«Прошло два месяца с тех пор, как люди столицы ели мясо, а из Лулина в этом году прибыло только три баржи с хлопком. Если ты проиграешь на фронте, этой зимой будет много беженцев, и бесчисленные люди замерзнут до смерти по пути. Это война между странами, и она проводится с силой, способной перевернуть страну. Ее необходимо выиграть, так как поражение будет означать смерть страны».

Да, это была война между странами. Обе стороны определенно вольют всю свою силу, заплатив любую цену ради получения окончательной победы.

Но были кое-какие вещи, которые Чэнь Чаншэн не мог понять. Он и Гоу Ханьши много раз их обсуждали, но они не смогли получить убедительное заключение.

Стратегии демонов как в первой, так и во второй фазе были слишком интенсивными. Даже в войне между странами они были довольно избыточными.

Логически говоря, никто не должен был выбирать стратегию взаимного уничтожения в самом начале войны. Даже если демоны были более слабой стороной, была ли надобность в такой нехватке уверенности? И для этой стратегии было невозможно ослабить решительность людей, так какой в этом был смысл кроме того, что демоны проиграют еще быстрее?

.....

.....

Для личностей внутри было очень сложно ясно видеть всю ситуацию, даже если это были Лорд Демонов или Командир Демонов.

Те, кто был снаружи, судя по их перспективе, находили более простыми некоторые проблемы. Например, Шан Синчжоу давным-давно заметил то, что Чэнь Чаншэн и Гоу Ханьши находили странным.

Из Горы Хань к Горе Ли отправился конвой. Во время путешествия он остановился на ночь в Лояне.

На утро следующего дня Шан Синчжоу покинул Лоян. Никто не знал об этом, и он взял с собой только молодого мальчика-даосиста, который был таким прекрасным, что казалось, как будто он был скульптурой из льда или нефрита.

Старый храм Деревни Синин десяток лет назад стал важным местом, защищаемым Имперским Двором, но какой солдат мог преградить ему путь?

Он взял мальчика в старый храм, молчаливо раздумывая в давно опустевшей комнате. Приказав мальчику продолжать запоминать Канон Течения на Запад, он отправился к ручью за

храмом.

Воды ручья были такими же ясными, как и ранее, а вместе с течением плыли упавшие цветы. Когда они проплывали мимо него, казалось, что они становились оживленнее.

На берегу ручья появился монах.

Как и десять лет назад, у него было привлекательное лицо и трудноопределимый возраст. Он был в черной робе монаха, поверхность которой была в разрезах и пыли.

Шан Синчжоу сказал ему: «Ваше Высочество, я хочу узнать пару вещей».

Этот монах был сыном Принца Чу. С точки зрения поколений, он был дядей Юйжэня. Если бы он был членом имперского двора, он, естественно, был бы принцем.

Если бы не переворот Сада Сотни Трав, возможно, он бы сейчас был императором.

Конечно же, Шан Синчжоу никогда не признает этого.

Монах ответил: «Пожалуйста, говори».

Шан Синчжоу спросил: «Что Континент Священного Света хочет сделать?»

Монах ничего не говорил.

Шан Синчжоу безразлично сказал: «Ты все еще человек нашей стороны».

Все сострадание в глазах монаха превратилось в отчаяние, и он сказал: «Просто странник, у которого нет дома».

Шан Синчжоу вдруг подметил: «Сейчас, если задумываться, то, что Тяньхай ранила твою душу, делая невозможным твоё возвращение, было не так уж и плохо».

В этих словах он ясно выражал свои подозрения, что монах работал с Континентом Священного Света в каком-то плане.

Монах заявил: «Планы насчет трона уже стали ничем».

Шан Синчжоу сказал: «Стоит задуматься о своих потомках. В конце концов, в них все еще течет кровь клана Чэнь».

Монах затих на очень долгое время. Наконец, он спросил: «Это твоё обещание?»

«Если я умру, мои ученики вернут вас всех обратно».

Шан Синчжоу, казалось, думал о чем-то, снова притихнув. Он добавил: «Если они откажутся, этот мой ученик вернет тебя».

Монах посмотрел на молодого мальчика-даосиста, сидящего под деревом. На его лице появилось довольное выражение, и он сказал: «Что ты хочешь, чтобы я сделал?»

Шан Синчжоу попросил: «Я хочу твоей помощи в отправке информации и одного объекта».

Монах сказал: «Континент Священного Света слишком далеко. На это потребуется очень

долгое время».

Шан Синчжоу ответил: «Это просто бессмысленный ход на шахматной доске».

Монах спросил: «Какую информацию?»

Шан Синчжоу сказал: «Передай Су Ли, что что-то произошло».

Монах ответил: «Я и правда не знаю, случится ли что-то на Континенте Священного Света».

Шан Синчжоу вернул: «Я тоже не знаю, что случится там, но я думаю, что он, вероятно, знает, что что-то сейчас происходит здесь».

Монах затих на некоторое время, а потом спросил: «Объект?»

Шан Синчжоу передал меч.

Меч был аккуратно обернут тканью, и посередине было помещено кольцо, выкованное из плавленной бронзы.

Когда монах увидел меч, он аккуратно схватил бронзовое кольцо, а не какую-то другую часть меча.

«Хороший меч».

Взгляд монаха пал на бронзовое кольцо, и он вздохнул: «Такое сокровище, но ты переплавил его, чтобы отправить меч через пространство. Действительно экстравагантно».

Окутывающий Небеса Меч, естественно, был хорошим мечом.

Бронза была осколком Зеркала Ясного Неба.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/360557>